

Глава 3 Коммунистическое правительство в рыночной экономике; почему не удалась попытка исторического реванша

3.1. Программа академиков и программа либералов

Вопрос был лишь в том, в какую сторону поворачивать курс. В правительстве ведущие посты заняли представители КПРФ и аграрной партии (они и прежде присутствовали в составе правительств, но скорее на второстепенных ролях), поэтому его стали называть коммунистическим правительством.

Но парадокс заключался в том, что и перед ним, как неоднократно бывало в прошлом, встал выбор между двумя вариантами: инфляционной политикой (то есть повторением того, что происходило в 1992-1994 гг.) и жесткой стабилизационной (антиинфляционной) политикой (напоминающей о 1995-97 годах). Почти одновременно были обнародованы две программы, отражавшие соответствующие системы взглядов: открытое письмо большинства членов Отделения экономики Академии наук во главе с Д.Львовым и статья группы либеральных экономистов во главе с Е.Гайдаром.

На первых порах правительство - что легко понять - с наибольшим вниманием отнеслось к письму академиков. На его основе под руководством вице-премьера Ю.Маслюкова начала разрабатываться экономическая программа правительства. Стержнем ее были две взаимоувязанные идеи: повышение спроса населения и загрузка простаивающих мощностей. Для реализации этих идей предполагались крупные денежные вливания, меры жесткого валютного контроля, включая «отсечение» спроса населения на валюту (попросту - запрет на хождение доллара в стране). В ходе работы над программой предлагались и такие меры, как введение масштабного государственного регулирования цен и тарифов (на продукцию базовых отраслей промышленности,

продовольственные и непродовольственные товары первой необходимости и т.д.). Напомню, что, как уже говорилось, регулирование цен – прямая дорога к дефициту, а от него – два шага к карточной системе, обязательным поставкам, арестам «за саботаж обязательных поставок»... Оставался неясным вопрос: было ли в программе академиков предусмотрено расширение производства колючей проволоки, а также свинца, из расчета по 9 граммов на саботажника?!...

Разумеется, в программу были также включены меры протекционистского характера и государственной поддержки импортозамещающих отраслей.

Но вот еще один парадокс! Такие идеи (вполне можно назвать их и «призраком коммунизма») бродили в кабинетах нового правительства лишь первые месяцы его существования. Столкнувшись поближе с жизнью, реальными проблемами экономики, поглубже изучив пройденный путь, Е.Примаков и его товарищи постепенно начинали смягчать позиции. Эволюцию их взглядов, пожалуй, лучше всего охарактеризовал сам Е.Примаков, выступая перед участниками сессии Давосского форума в Москве. Он говорил: «Нам предрекали еще совсем недавно: национализация как основной путь движения правительства - нет этого, отмену результатов приватизации, фиксирование курса рубля нам предрекали - нет этого, мы не фиксируем этого курса, он плавающий. Нам предрекали неконтролируемую эмиссию - нет этого, нам предрекали поддержку отечественного производства в ущерб иностранным капиталовложениям - нет этого, говорили, что мы не будем платить долги - нет этого»¹.

Все верно, только чуть-чуть лукавил Евгений Максимович: не правительству «предрекали», а правительство поначалу, следуя программе академиков, а также рекомендациям других близких к КИРФ

экономистов, предполагало поступать именно так, пойти именно тем путем, от которого теперь отрекся премьер-министр, выступая перед обеспокоенными западными инвесторами.

Несомненно, что свою роль сыграли и выступления в средствах массовой информации, остро реагирующие на просачивавшиеся сведения о проектах, которые обсуждались в правительстве. Авторы выступлений анализировали эти проекты и предупреждали о таившихся в них опасностях. Дошло дело до того, что правительству приходилось дезавуировать утвержденные им же документы, которые уже до официальной публикации вызывали возмущение общественности.

К концу 1998 года правительство оказалось в довольно противоречивом положении. Оно пришло к осознанию опасности рецептов, заимствованных из арсенала «экономической политики популизма», однако адекватной замены первоначальным замыслам так и не нашло. «У кабинета не было желания, а у премьера - воли признать неприятный факт наличия всего двух реальных вариантов действия - жестко инфляционного или жестко стабилизационного - и, соответственно, выбора именно из этих двух вариантов» (Из обзора «Российская экономика в 1998 году, Тенденции и перспективы»). Нежелание сделать такой выбор приводило к *оттяжке принятия принципиальных решений* - политический мандат, выданный премьеру, поддержка со стороны законодателей и значительной части общества позволяли использовать такую тактику. Однако развитие реальных экономических процессов все более сужало возможности для маневра. После популистских шагов первого периода, существенно ослабивших доходную часть бюджета, правительство все же выработало, как говорили тогда, весьма «осторожный» проект федерального бюджета на 1999 год.

¹ «Известия», 5 декабря 1998 г.

Его называли даже *первым реальным бюджетом за все последние годы*. В этом безусловная заслуга Е.М.Примакова и его кабинета.

Более того, в дальнейшем выяснилось, что бюджет 1999 года оказался первым, который был выполнен не с секвестром, а с превышением. Правда, для этого потребовалась целая цепь дальнейших политических событий (чехарда премьер-министров на манер итальянской - С.Степашин заменил в мае 1999 года Е.Примакова, В.Путин - в августе сменил С.Степашина, не успевшего даже отметить свои традиционные сто дней правления!). Злые языки говорили, что именно эта чехарда, когда правительственным чиновникам было не до «конкретного руководства» экономикой, способствовала неожиданно быстрому оживлению производства. К слову, в истории подобные примеры известны – например, во времена Хрущева именно в те месяцы, когда производилась так называемая реорганизация управления промышленностью (отраслевые министерства уже не работали, а совнархозы на местах еще только обустроивали свои кабинеты), был зафиксирован наивысший для того периода подъем промышленного производства.

Но, по-видимому, особенно помогла экономическая удача, которая заключалась в том, что мировые цены на нефть, катастрофически снижавшиеся несколько предшествующих лет, вдруг выросли в полтора, потом в два раза - а ведь доходы от экспорта нефти формируют значительную часть доходов федерального бюджета. Наконец, самое главное, - для этого, как ни печально, потребовался ... дефолт и вызванная им девальвация рубля.

3.2. Девальвация как двигатель производства

Девальвация национальной валюты - беда для населения, которое зарабатывает, расходует и сберегает ее, хранит в банках, в облигациях

государственных займов и просто в кубышках. Люди в стране, где произошла девальвация, становятся беднее - в общем, примерно на столько, на сколько подешевела национальная валюта.

Но девальвация - благо для производителей: их продукция во мгновение ока становится дешевле, чем прежде, а значит, более конкурентоспособной. Причем без всяких усилий, совершенствования технологии производства, сокращения расхода сырья и материалов, организации производительного труда. *И, заметьте, без всяких приказов, таможенных ухищрений, законов «О защите национального производителя» и рекламы «Покупайте только отечественное!» с рынка вытесняется продукция, импортируемая из-за рубежа.* Более того, перед отечественной промышленностью и сельским хозяйством вдруг открывается возможность расширения экспорта, а значит - получения валютных доходов, налоги с которых пополняют и государственную казну.

Обо всем этом написано в любом учебнике рыночной экономики. Но, как правило, упускается из виду еще одно последствие девальвации - просто из-за его незначительности в нормальных условиях. Редко, но встречаются в той или иной стране и такие люди, для которых девальвация не беда, а тоже благо: они становятся не беднее, а богаче, и тоже примерно на столько, на сколько подешевела национальная валюта, а значит, подорожала (на отечественном рынке) валюта иностранная. Это, разумеется, в том случае, если они тратят валюту дома, а не за рубежом. В большинстве стран так бывает очень редко, да и людей, пользующихся иностранной валютой, в большинстве других стран тоже мало - это не принято. Потому учебники о них и забывают.

Но Россия и в этом отношении - не как все. Она за последние годы испытала мощный процесс *долларизации экономики*. Не единицы, а миллионы ее жителей пользуются долларами как для покупок, так и для

сбережения. По подсчетам экспертов, долларовая масса в стране достигла размеров, сравнимых с рублевой массой. И так будет до тех пор, пока рубль не окрепнет окончательно, не станет действительно надежным средством платежа и накопления. Он уже проделал значительный путь в этом направлении с тех пор, когда его называли «деревянным» или «капустой», и, как говорилось в одной из предыдущих глав, уже бывали отдельные периоды дедолларизации экономики - причем опять-таки, не в силу тех или иных административных установлений, а в силу складывавшихся экономических условий.

По-видимому, здесь лежит разгадка секрета, который заинтриговал аналитиков, наблюдавших за успехами российской экономики в 1999 году, напрочь опровергнувшими прогнозы, которые публиковались в конце 1998-го, непосредственно после событий 17 августа. Например, правительственный прогноз, подготовленный Министерством экономики, предусматривал дальнейший спад производства, причем в некоторых отраслях весьма значительный (например, в машиностроении на 3-5%, в том числе по основным потребительским товарам от 10 до 30%, по машинам и оборудованию от 5 до 20%). Логика составителей прогноза понятна: поскольку население обеднело, естественно было ожидать, что потребительский спрос резко упадет, и это приведет к спаду производства. Между тем, спрос оказался намного более высоким, чем ожидалось, и производство стало не падать, а расти. Частично это было объяснено факторами, о которых говорилось: ростом замещения отечественной продукцией импорта на внутреннем рынке и увеличением обретшего конкурентоспособность экспорта. Аналитики учли и рост мировых цен на нефть. И все равно - мало! По-видимому, разгадка в тех долларах, которыми располагало население. В свою очередь, рост производства начал увеличивать доходы, улучшился сбор налогов и правительство смогло погасить свои долги перед пенсионерами. Значит,

спрос увеличился дополнительно, а за ним, опять-таки, росло производство; получился самоусиливающийся процесс...

Итоги 1999 года поражают. Рост промышленности 8,1 % за год - о таком недавно и помыслить было невозможно (правда, не стоит забывать, что это - по сравнению с трудным, если не сказать провальным 1998 годом). Последний раз отечественная промышленность испытала подъем в 1997 году - на 1,9%, это считалось большим достижением. Аналитиков волновал вопрос: насколько велика вероятность, что на этот раз подъем будет длительным и устойчивым?

Как мы видели в предыдущих главах, кратковременные периоды роста промышленного производства Россия переживала не только в 1997, но также в 1992, 1993, 1995 годах. И вот, просматривая статистические данные этих лет, нельзя не подивиться чрезвычайно резким скачкам объемов выпуска некоторых важных промышленных изделий, например, крупных электромашин (в натуральном, а не стоимостном измерении, что существенно), отдельных станков, автобусов, тракторов. И с другой стороны, столь же резкое сокращение выпуска иных машин, удобрений и т.п.

Такая неустойчивость, если отвлечься от конкретных обстоятельств, складывавшихся на том или ином предприятии, говорит о том, что *в промышленности сохранился огромный потенциал быстрого подъема производства продукции, нужной рынку.*

Этот потенциал - не удивляйтесь! - непосредственный результат реформы. Для оперативной перестройки производства теперь не были нужны длительные хлопоты в Госплане, отраслевом министерстве и Госснабе, составление заявок на сырье, комплектующие изделия и материалы (в свое время их полагалось подавать за год вперед!). Теперь у поставщиков тоже есть резервы, и никто не заинтересован их скрывать, как бывало прежде. Наоборот, только свистни, как говорится, и

поставщики появятся с предложениями; телевидение, печать заполнены рекламой - каравай, каравай, кого хочешь, выбирай! Набрать нужные - лучшие - кадры тоже намного легче, чем прежде. Сдерживает же все дело третий обязательный элемент: инвестиции на переоснащение производства, кредиты на закупку сырья и материалов. Нет денег! - вот главная забота любого руководителя государственного, и так сказать, полугосударственного АО. Когда-то было дефицитно все, кроме денег, теперь именно они стали самым дефицитным товаром.

То, что произошло в 1999 году, показывает, что не все было так плохо, как оценивали ситуацию некоторые политики и экономисты, говоря о «коллапсе» отечественной экономики. Не все заводы были «разворованы новыми владельцами» (это слова Г.Зюганова, хотя непонятно, как может собственник сам у себя что-то воровать! Иное дело, там, где из-за противодействия тех же левых, настоящего собственника до сих пор нет, - там это возможно).

Те же экономисты и политики одним из пунктов своей программы объявляли рост производства путем «дозагрузки» простаивающих мощностей. Разумно. Но, во-первых, *мы видели, что рынок уже сам решает эту задачу: как только появляется платежеспособный спрос на тот или иной товар, простаивающие мощности запускаются в работу.* Именно поэтому в первой половине 1999 года быстро пошли в гору «импортозамещающие» отрасли, в том числе некоторые отрасли пищевой промышленности, автомобильная промышленность и ряд обслуживающих ее предприятий других отраслей (шинной, химической, электротехнической). И наоборот, трудности стали испытывать те предприятия, которые прежде в больших объемах использовали импортные комплектующие изделия (например, производители телевизоров, компьютеров), использовали так называемые «отверточные

технологии». Им предстояла намного более сложная перестройка, чем просто «дозагрузка» производственных мощностей.

Во-вторых, над чем особенно следует задуматься, «дозагрузка мощностей» означает возобновление выпуска той продукции, которая выпускалась прежде, с использованием давнишних технологий, - словом, означает сохранение прежней структуры производства, что обрекает страну на дальнейшее отставание от окружающего мира. И кто будет покупать эту продукцию? Частные фирмы, если она им не нужна, не заплатят за нее ни копейки. Остается государство. Но почему мы, налогоплательщики, должны будем ее оплачивать?

И, наконец, в-третьих, есть еще одна проблема, связанная с этим предложением. На нее обратила внимание одна международная аудиторская компания, сотрудники которой показали, что государство, особенно в лице региональных властей, имеет в России гораздо большее, чем принято считать, влияние на производство, хотя и формально приватизированное. Часто это приводит к тому, что заказами загружаются малоэффективные предприятия, тогда как более производительные вынуждены простаивать. В нормальной рыночной экономике все как раз наоборот. Значит, только создание настоящего рынка, с конкуренцией и «отбраковкой» неэффективных производств, без «регулирующего» давления властей, позволит действительно использовать потенциал экономического роста.²

В целом же, говоря о дозагрузке мощностей в целях роста производства, нельзя забывать главное: стране и ее населению нужен не всякий рост, а коренная структурная перестройка экономики, технологии производства и всей системы экономических связей и соотношений. И здесь основной проблемой – повторю еще и еще раз - остаются инвестиции.

Реформаторы (недаром их называли «монетаристами») всегда настаивали: выход в финансовой стабилизации. То есть в снижении инфляции до нормального уровня и соответственно - в сокращении процентной ставки до той грани, когда использование кредитов для инвестиций станет выгодным, а не разорительным для предприятий.

Исполнительная власть, от которой это зависело в первую очередь, хотя и с трудом, с отступлениями, но все же справилась с задачей финансовой стабилизации. Оказалось, однако, как мы уже знаем, что это пусть и необходимое, но все же недостаточное условие. *Нужно было создать систему законов, гарантирующих права акционеров предприятий, права частной собственности – без этого ни о каком инвестиционном росте экономики речи быть не может!* Законодательная власть не то, что бы не справилась с этой задачей, скорее, она не считала нужным ее решать, несмотря на предложения и настояния власти исполнительной. Чаше с трибуны Государственной думы звучали призывы к пересмотру результатов приватизации, к ренационализации и другим способам возврата к прошлому. Эти призывы живо напоминали о том, как быстро большевики в 1917-18 годах свернули голову гидре капитализма, проведя национализацию не только крупной промышленности, но и мелкой, вплоть до кустарных мастерских (см. «Окно» на стр...). Бессмертная формула Шарикова «Все взять да разделить!», хотя и в завуалированной форме, то и дело звучала с думской трибуны. Повторю вопрос, который, помнится, уже задавал читателям: *А вы стали бы вкладывать свои кровные в предприятие, зная, что его в любой момент могут у вас отнять?*

Для возобновления инвестиционного процесса нужна была также полная реконструкция банковской системы страны. В ней до кризиса доминировали несколько крупнейших так называемых

² «Новые известия», 19 октября 1999

«системообразующих» или олигархических банков, деятельность которых была почти целиком сосредоточена на извлечении прибыли из финансовых спекуляций, особенно из игр с государством на рынке ГКО-ОФЗ. Но с этой задачей успешно справился... кризис 17 августа: девальвация обесценила не только наши с вами зарплаты, но и раздувшиеся, как мыльные пузыри, капиталы таких банков. Не случайно один из журналов назвал Сергея Кириенко «убийцей банков». Вы обратили внимание, кстати, на то, что уцелели после кризиса в основном банки средние, а не пресловутые «системообразующие», среди которых остались на плаву, кажется, только «Альфа-банк» и (на недолгое время) «Мост-банк»? Дело в том, что средние банки меньше занимались государственными облигациями и больше - реальной работой с населением и фирмами.

После кризиса стране предстояло создать новую систему банков, ориентированных на кредитование инвестиций в производство. Предстояло создать совершенно новый инвестиционный климат. Это - задача, без решения которой начавшийся подъем мог оказаться лишь кратковременным эпизодом.

В связи с вопросом об инвестициях и инвестиционном климате хочу высказать, может быть, неожиданную мысль. До сих пор, время от времени в отечественной печати и в парламенте разгорается дискуссия по вопросу об утечке капиталов. Одни требуют «наказать виновных в вывозе капиталов», другие, наоборот, - «амнистировать вывезенные капиталы и простить их владельцев»; ведутся споры о том, как отделить «чистые» капиталы от «грязных», как предотвратить отмывание денег и так далее. Все многообразие мнений и подходов в конечном счете сводится к одному: как бы поскорее вернуть деньги на родину, чтобы они служили экономическому развитию нашей страны, а не каких-то других государств. Все так. Возникает, однако, вопрос: допустим, мы сегодня добьемся

возврата из-за рубежа какой-то части «беглых» капиталов. И что же мы с ними будем дальше? Почему мы так уверены, что они пойдут на инвестиции, когда зачастую те средства, которые уже есть в стране — не идут? Говорят, что не хватает эффективных проектов, которые следует осуществлять, а не эффективные выгоды не дадут, они не нужны. Говорят и том, что вкладывать деньги в предприятия боязно: вдруг их отберут?. Значит, весь поднятый шум вокруг этого вопроса — по меньшей мере преждевременный. Сначала надо создать условия — тогда сами капиталы вернуться, без «чрезвычайных мер» любого характера — хоть карательных, хоть поощрительных.

Прежде всего, нужны законы, гарантирующие любого инвестора от посягательств на его права, его деньги и те доходы, на которые он рассчитывает, вкладывая эти деньги. К сожалению, за годы реформ полноценная система законов по вопросам инвестиций так и не была создана. Есть сотни проектов, некоторые из них утверждались. Например, тут нельзя не назвать очень важный документ, новый Гражданский кодекс, своего рода конституцию хозяйственной деятельности. Изданы законы об акционерных обществах, о ценных бумагах, о банках, указ о защите прав инвесторов. Но ведь многое из этого просто не работает! Купивший предприятие с условием вложения определенных инвестиций в его развитие легко может отказаться от своего обещания, и ему ничего за это не будет, предприятие не отберут. Акционеры-работники завода могут все доходы ухлопать на повышение собственной зарплаты, и ничего не оставить на инвестиции; даже амортизационные отчисления иной раз «проедаются» таким способом. Внешних акционеров часто не пускают дальше ворот «собственных предприятий» — чего ради они станут раскошелиться на инвестиции? И управы судебной, арбитражной на руководителей таких предприятий не добьешься. Очень велики риски кредитования капиталовложений, но никакой, по существу, системы их страхования так и не создано. Многие самые необходимые законы вообще были

«заволокичены» в коридорах законодательной власти. Все это не может не сказаться на инвестиционном процессе, несмотря на успехи финансовой стабилизации и другие положительные сдвиги.

Особенно все сказанное относится к законодательству, касающемуся иностранных инвестиций. Например, известный закон о так называемом разделе продукции утрясался в комитетах Думы несколько лет, а принят был в таком виде, что его реализация оказалась почти невозможной (по этому методу работают лишь несколько совместных предприятий, да и то в парламенте раздаются требования снова пересмотреть закон, поскольку он якобы невыгоден России).

Между тем, иностранные инвесторы очень чувствительны к этому вопросу: они привыкли доверять только законам, а не решениям каких-то учреждений, вплоть до Центрального банка и Правительства. Тут еще добавляется вопрос о налогах. Наша налоговая система — бич для иностранных бизнесменов. Российские как-то изворачиваются, а иностранные, воспитанные в совершенно ином духе законопослушания, этого не умеют, да и не считают для себя возможным. Для них налоговое бремя поэтому оказывается неподъемным... Вот по всем этим причинам до сих пор инвестиционный климат в стране действительно нельзя назвать благоприятным.

3. 3. Восстановительный рост

Экономический рост, который начался после кризиса 17 августа - с дозагрузкой свободных мощностей и использованием имеющихся кадров – ученые-экономисты называют восстановительным ростом. Это понятие ввел еще в 20-е годы прошлого столетия советский экономист В.Громан, исследовавший процессы восстановления народного хозяйства СССР после революции и гражданской войны. В последние же годы вопросы восстановительного роста разрабатывал в своих трудах Е.Т. Гайдар (в

частности, в книге «Долгое время» и в заключительной главе коллективного труда «Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1998-2002»). Поделюсь с читателями некоторыми соображениями, основанными на этих трудах, в которых Е.Гайдар выступает не как политический деятель, а как беспристрастный ученый-исследователь.

Прежде всего, он предлагает обратить внимание на следующее: *любой анализ событий, происходящих в России, будет неполон без учета того, что происходит во всех странах, решающих задачи приспособления к новым условиям жизни после краха социализма.* Оказывается, в них идут сходные процессы, в том числе и процесс восстановительного роста. (Если читатель помнит, мы об этом говорили во Введении, когда рассматривали некоторые закономерности экономики переходного периода).

Восстановительный рост обладает рядом важных особенностей. Например, на первых этапах (после кризиса, революции, войны и тому подобных катаклизмов) он отличается исключительно высоким темпом, но спустя некоторое время испытывает тенденцию к затуханию. Это легко понять: резервы мощностей и подготовленной рабочей силы исчерпываются, новые возможности роста - в первую очередь, инвестиции, создаются не сразу. Особенно важно – это отметил еще В.Громан -, восстановление хозяйственных связей, нарушенных в процессе прошедших катаклизмов. Только это позволяет вновь объединить факторы производства и запустить производственные процессы.

Среди частных закономерностей - в полной мере проявившаяся тенденция к росту реальной заработной платы квалифицированной силы по мере роста спроса на нее в промышленности. Например, в России после довольно большой безработицы в 90-е годы, в последнее время

возник дефицит квалифицированных кадров, и в результате реальная заработная плата только за 2000 – 2002 годы выросла в 1,7 раза. Понятно, что это противоречит общеизвестному правилу: рост производительности труда должен опережать рост заработной платы. Но ничего не поделаешь, на определенном этапе это придется пережить, позднее упущенное возместится.

Когда оказываются исчерпанными возможности восстановительного роста, возникает вопрос об обеспечении «нормального» экономического развития, о его ориентации на длительную перспективу. Именно этот этап переживает сейчас российская экономика. Действительно, после быстрого подъема в 1999-2001 годах темпы стали несколько снижаться. Мы вернемся еще к известной дискуссии вокруг задачи «удвоения ВВП», а пока отметим: ничего чрезвычайного или трагического в этом замедлении нет, просто этап восстановительного роста завершается. Или еще более общо: просто действуют экономические законы, как и должно быть на самом деле.

Е. Гайдар определил сложившуюся ситуацию предельно четко: «Проще говоря, теперь уже требуется рост, который ориентируется не на вовлечение старых, а на создание новых производственных мощностей, обновление основных фондов, привлечение новой квалифицированной рабочей силы.»³

Вот главная проблема наших дней. Тому, как она решалась, будут посвящены следующие главы этой книги.

³ Гайдар Е Долгое время. С. 804.